

УДК 39 (571.6)

DOI 10.24411/1026-8804-2019-10026

Промысловые постройки тунгусо-маньчжуров Приамурья и Приморья (вторая половина XIX — начало XXI в.)

Анатолий Фёдорович Старцев,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: starcev.42@mail.ru

Данная работа является частью монографического исследования «Охота и охотничье хозяйство тунгусо-маньчжурских этносов южной части Дальнего Востока России». В статье рассматриваются традиционные промысловые и некоторые хозяйственные постройки типа свайных амбаров и других сооружений, которые использовали в охотопромысловой деятельности негидальцы, нанайцы, орочи, удэгейцы, эвены и другие тунгусо-маньчжуры Приамурья и Приморья. Жилые промысловые сооружения у аборигенного населения южной части Дальнего Востока России эксплуатировались от одного дня до нескольких месяцев. По своему назначению они относились к временным или постоянным, а по отношению к времени года подразделялись на зимние, весенние и летне-осенние. В весенний, летний и осенний периоды жилые промысловые постройки типа *аунга*, *ёума*, *хоморан* и другие преимущественно использовались рыболовами и сборщиками дикоросов, а в зимний — охотниками на пушного и копытного зверя. В любое время года временные или постоянные жилые промысловые постройки обеспечивали жизненный комфорт коренного населения. В хозяйственных сооружениях хранилась промысловая продукция — рыба, мясо и дикоросы, а также рыболовецкое и охотничье снаряжение. Традиционная культура аборигенов Приамурья и Приморья формировалась на протяжении многих сотен лет в условиях постоянного взаимодействия этносов друг с другом. Она передавалась от поколения к поколению, сохранялась и обогащалась. Взаимодействие тунгусо-маньчжурских народов нашло отражение как в их языках, так и в материальной и духовной культуре.

Ключевые слова: хозяйственные промыслы, постройки, время года, классификация, жилище, укрытие, шалаш, зимовье, амбар, охотник.

Commercial Buildings of the Tungus-Manchurians of the Amur Region and Primorye (the Second Half of the Nineteenth Century — the Beginning of the Twenty-First Century).

Anatoliy Startsev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: starcev.42@mail.ru.

This paper is a part of the monographic study “Hunting and Hunting Industry of the Tungus-Manchu Ethnic Groups of the Southern Part of the Russian Far East”. The article aims to describe traditional industrial and some household outbuildings such as pile barns and other constructions for the hunting activity of Negidal, Nanai, Orochi, Udege, Evens and other Tungus-Manchurian ethnic groups of Priamurye and Primorye. Residential field buildings of the aboriginal population of the southern part of the Russian Far East were used for living from one day to several months. According to the purpose and use, these buildings were temporary or permanent; with respect to the season, they were divided into winter, spring and summer-autumn constructions. In the spring, summer and autumn periods, residential industrial buildings such as *aunga*, *yuma*, *khomoran*, etc. were mainly used by fishermen and pickers of wild plants, and in the winter — by hunters of fur and hoofed animals. At any time of the year, temporary or permanent commercial outbuildings provided the life comfort of the aboriginal population. Household facilities were used for the storage of commercial products — fish, meat and wild plants as well as fishing and hunting equipment. The traditional aboriginal culture of the Amur region and Primorye developed over many hundreds of years in constant interaction between ethnic groups. It was passed on from generation to generation, preserved and enriched in time and space. Cultural interrelations of different Tungus-Manchurian ethnic groups were reflected in the languages and in the material and spiritual culture.

Keywords: economic trade, constructions, season, classification, dwelling, shelter, tent, winter quarters, barn, hunter.

Промысловые постройки народов Приамурья и Приморья в зависимости от сезона подразделялись на весенне-осенние и зимние. По своему внешнему виду они были односкатными, двускатными и конусообразными, полусферическими и полуцилиндрическими и создавались, за редким исключением, каждый раз заново, по мере необходимости. Условно среди этих сооружений можно выделить временные и постоянные. Первые рассчитывались только на ночёвку — *ааннэз*, а вторые — на один охотничий сезон и более, что и отражается в языке всех аборигенов региона в слове, обозначающем зиму, — *туэ* (эвенки, орочи, удэ, ульчи, нанайцы), *тувэ* (уйлта-ороки), *тугу* (солоны), *тугэни* (эвены), *тугэ* (негидальцы) [22, с. 204—205].

Наиболее простым сооружением у охотников и рыбаков были заслоны односкатного типа или в форме полуконуса, служащие для защиты от дождя и ветра.

Рис. 1. Укрытие (*коктоу*) для охотников и рыбаков. Фото В.В. Подмаскина

Удэгейцы называли их *коктоу* [23, с. 148]. Для охотников охотских эвенов, амурских эвенков и негидальцев временным укрытием служил односкатный шалаш *калта* (негид.), *калтам* (эвены) [7, с. 82], *калта*, *калтами* (эвенки) [11, с. 18]. Термин «калта» в языке тунгусо-маньчжурских этносов означает «половина» [21, с. 368]. Сооружается такое укрытие из двух пар жердей (*туру*) с развилками на концах, соединённых попарно справа и слева и перекрытых матицей — длинной жердью *угиитмэрит*. С одной стороны, параллельно к основным *туру*, располагались жерди *сееранг*, которые образовывали односкатную крышу, поставленную на землю под углом не менее 45°. Покрывался односкатный шалаш ветками, травой, древесной корой или берестой.

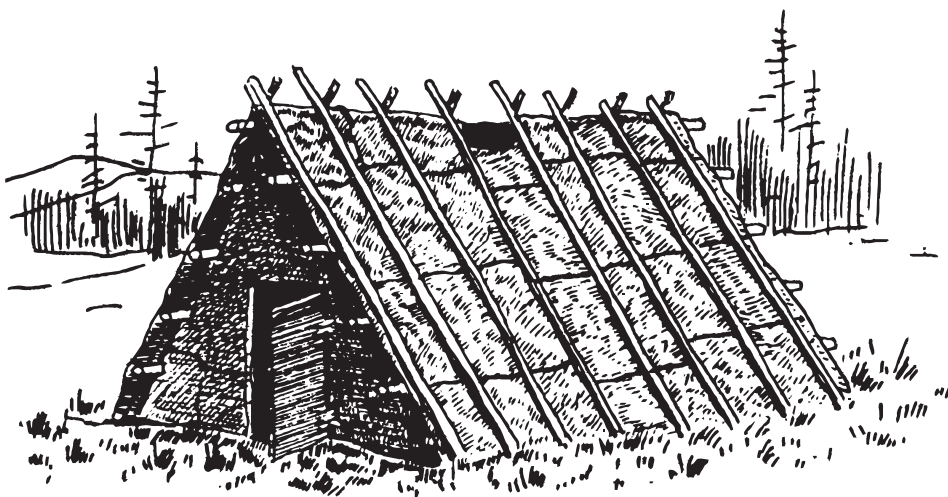

Рис. 2. Жилище *кава*

Об эволюции этого сооружения Л.И. Шренк сообщал следующее: «В случае же, если непогода затягивается или стоянка вообще почему-нибудь продолжается, то к перекладине наверху и с другой стороны приставляется покатый навес и таким образом получается маленький двускатный шалаш» [25, с. 66]. Данными укрытиями пользовались не только охотские эвены, верховские негидальцы, зейские и урмийские эвенки, но и ульчи, нанайцы, орочи, удэгейцы и другие народы Приамурья и Приморья.

Односкатные ветровые заслоны используются аборигенами и в наши дни. Их устраивают в продуваемых местах на берегу реки во время рыбалки или в тайге при охоте на копытных животных.

Односкатный шалаш, как и получум, служил защитой от ветра, дождя и солнца. У зее-алданских охотников-эвенков такие временные шалаши из жердей, покрытых травой или корой лиственницы, назывались *мукаак* или *мукак* [1, с. 115; 21, с. 552].

У односкатных укрытий все охотники и рыбаки тунгусо-маньчжурских этносов в обязательном порядке делали и полог *зампан* (эвенки, негид., маньч.), *зампа* (удэ, ульчи, нанайцы), *jamna* (орочи), *занпа* (ороки) [21, с. 247], предохраняющий человека от мошки и комаров во время ночного отдыха. О подобных накомарниках, которыми пользовались ольчи (ульчи) и гольды (нанайцы), впервые сообщил Л.И. Шренк, он называл это приспособление палаткой *майки* [25, с. 66].

Накомарник шился с прямоугольным верхом, в центре которого крепилась длинная бечёвка, а по углам — короткие вязки. Дальневосточные эвенки «для

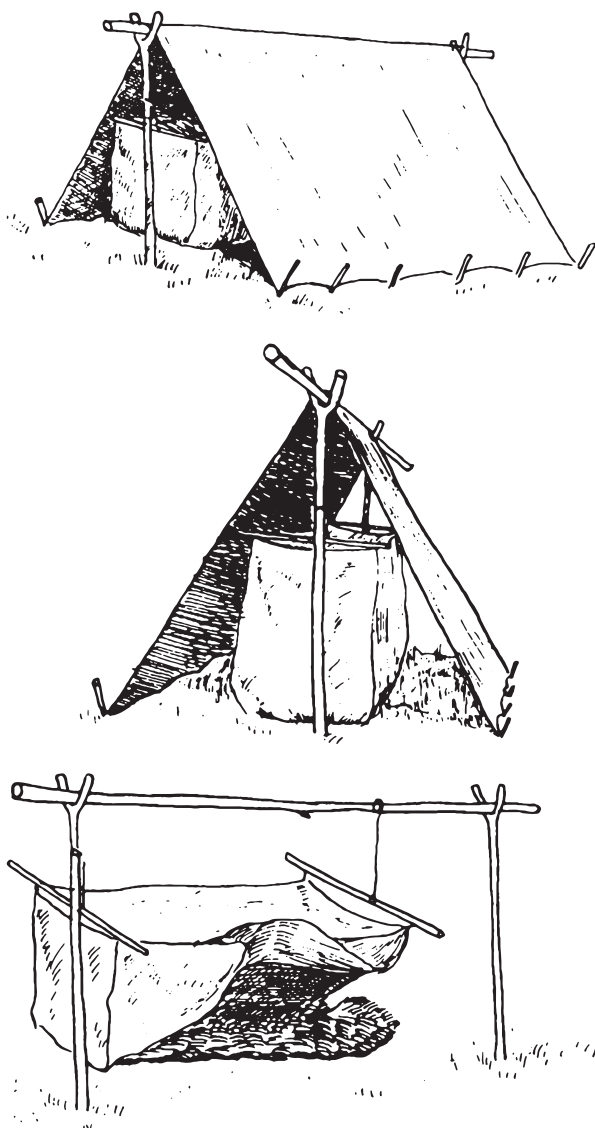

Рис. 3. Полог охотника

устройства полога связывали вверху 4 жерди, ставили их конусом, привязывали к связке срединную вязку полога, а к жердям — угловые» [1, с. 109]. Удэгейцы и бикинские нанайцы накомарник растягивают при помощи двух палок *зампа мони*, как показано на рис. 3.

В прошлом семьи охотников или рыбаков нанайцев и негидальцев преимущественно в местах рыболовных промыслов, а также у переправ через реки, где копытные переходили с одного берега на другой, пользовались летними шалашами полусферической или полуцилиндрической формы. Жилища полусферического типа, «расположенные среди тальников, — отмечал Л.И. Шренк, — кажутся издали круглыми холмами или муравьиными кучами гигантских размеров» [25, с. 62]. В таких шалашах жили с начала рунного хода горбуши (июнь) и до завершения хода кеты (октябрь — ноябрь). Примечательно, что сам Л.И. Шренк данные жилища, как и домик с прямоугольными стенками и двускатной крышей, покрытый берестой, называет термином «дауро» [25, с. 62].

Каркас временного жилища полусферического типа сооружался из гибких жердей тальника. Верхняя часть покрывалась берестой, брезентом, старой ровдугой и другими материалами. Внутри находились только постели, а всё оружие и оборудование укладывали снаружи у стены или на специальных помостах. «Вверху летника оставляется дыра для выхода дыма из очага, который ставится как-раз посреди летника. Эта дыра в ненастную погоду закрывается особой циновкой. Вместо двери сбоку летника оставляется дыра, которая закрывается камышовой циновкой... В жаркое время летник даёт прохладу, а в дождливую погоду хорошо защищает от всех неприятностей ненастья; одним словом, обитатели летника чувствуют себя в нём в продолжение всего лета хорошо» [10, с. 89—90].

Несмотря на то, что в полусферическом жилище имелся очаг, пища готовилась на улице, в двух-трёх метрах от входа, поскольку «на этом очаге нельзя разводить большого огня, так как и при слабом пламени жильё наполняется дымом. Это, впрочем, имеет и свою хорошую сторону: дым содействует удалению из жилья комаров, которые большими массами водятся в тальниках, покрывающих низменные и сырые острова на Амуре» [25, с. 63].

Аборигенами Приамурья и Приморья, если предстоит «кратковременная остановка, на день, на два или всего на одну ночь, тогда, — отмечал Л.И. Шренк, — смотря по обстоятельствам, раскладываются ещё более незатейливые и первобытные шалашы для защиты от дождя, ненастья или назойливых комаров» [25, с. 65]. Ольчи и гольды, как указывал исследователь, в таких случаях «сооружают шалаш, называемый ими *хомора* или *адьянгман-аунга*... Это род низкой продолговатой палатки, напоминающей цилиндр, пополам разрезанный в длину и обрезом поставленный на землю» [25, с. 65].

В тёплое время года аналогичное жилище, кроме ульчей и нанайцев, было ещё и у негидальцев. Его строили из 6—10 длинных прутьев тальника, установленных дугообразно на прямоугольной площадке

на небольшом расстоянии друг от друга. Дуги скреплялись продольными шестами. Так получался каркас, на который накладывалось покрытие из берестяных тисок.

Высота шалаша полуцилиндрического типа была незначительной — 130—140 см, при этом он вмещал от двух до пяти человек [12, с. 756]. Им пользовались рыбаки во время массового хода красной рыбы или охотники, вышедшие на добычу копытных животных вместе с семьёй. Очаг устраивался за пределами шалаша.

Летнее жилище полуцилиндрической формы негидальцы называли *талу* (в переводе «береста») [5, с. 95], у ульчей оно известно как *хомиран* [19, с. 75], у нанайцев — *хомора* (*хоморан*) [25, с. 65; 17, с. 87; 10, табл. IX, рис. 22]; анюйские и хорские удэгейцы именовали его *хумала* [3, с. 337], а иманские удэгейцы — *ёума* [24, с. 37].

Примечательно, что Л.И. Шренк термины «хомора» или «адьянгман-аунга», которыми, как он указывает, обозначается шалаш полуцилиндрического типа, переводит на русский язык как «ночлежный шалаш

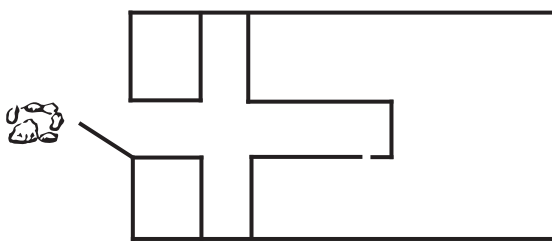
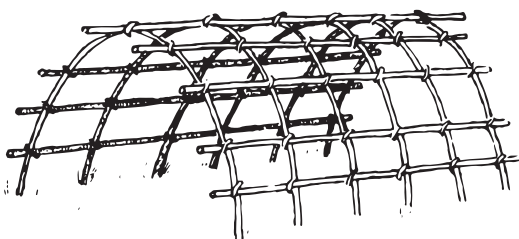

Рис. 4. Промысловое жилище полуцилиндрической формы *хумала* или *ёума*

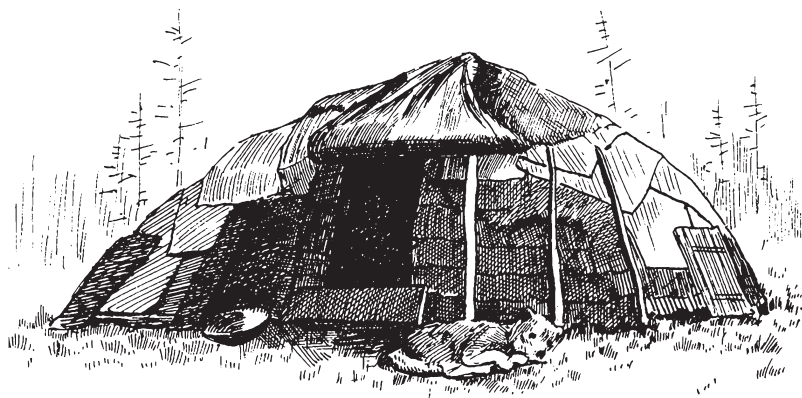

Рис. 5. Полусферический летник *хоморан*

для одного или двух людей» [25, с. 65]. В своём труде он также подводит термин «хомора» под понятие «шалаш» или «ночлежный шалаш». Именно такое понимание принадлежит и другим этнографам, изучавшим промысловые постройки нанайцев, ульчей и прочих этносов Приамурья.

Однако, на наш взгляд, термин «хомора (хоморан)» имеет и другое значение: материал покрытия шалаша, который и послужил названием данного типа жилища. Об этом частично говорится в работе Ю.А. Сема, где отмечается, что верхняя часть каркаса полусферического шалаша покрывалась «полотнищем из бересты *хомдоко*... Когда наступали прохладные ночи, то хоморан целиком закрывали берестой» [17, с. 88]. Исследования филолога Л.И. Сем — знатока языков тунгусо-маньчжурских этносов, в данном случае — языка бикинских (уссурийских) нанайцев — показывают, что под термином «хомдо» фигурирует понятие «береста обработанная» [16, с. 203], а глагол ольских эвенов «ура-» означает «покрывать летний шалаш корой» [22, с. 282]. Если разложить термин «хомора (хоморан, хомиран)» на составляющие, то мы получим такое понятие, как «летний шалаш, покрытый берестой», или «берестяной шалаш». Этот факт зафиксировали и негидальцы, именовавшие свой шалаш *талу* — «береста».

Способ постройки летника полусферического типа у всех этносов Нижнего Амура в принципе был одинаковым, однако у нанайцев и негидальцев существовали значительные конструктивные особенности таких шалашей. В отличие от летников нанайцев, имевших одну входную дверь, в негидальских сооружениях было два входа и выхода. «Это даёт возможность, — отмечал Л.И. Шренк, — смотря по направлению ветра, закрывать ту или другую дверь или открывать обе для лучшего проветривания жилья» [25, с. 62]. Планировка жилища данного типа, наблюдавшаяся у амгуньских негидальцев, имела форму круга или эллипса, и потому одни из жилищ имели вид полушария, а другие — полуэллипсоида [14, с. 154].

Из современных публикаций известно, что летние корьевые домики с двумя входами и выходами, существовавшие у негидальцев, ороков и ольских эвенов, имели эллипсовидное основание, а у ороков, орочей и удэгейцев — прямоугольное [7, с. 78; 15, с. 112—114; 20, с. 105—106; 24, с. 23—25].

В местах остановки на ночлег охотник, в зависимости от наличия у него палаточной ткани или берестовых тисок, а также достаточного количества длинных жердей и хвой вокруг, наряду с двускатным шалашом *кава*, строил конический временный шалаш, рассчитанный на одну-две ночёвки. Последний у всех тунгусо-маньчжурских этносов обозначался идентичными терминами: *ааннэз* (эвенки); *аанаак* (эвены); *аунга* (удэ, орочи); *аонга* (нани); *аан`нга* (нег.); *аундау* (ороки); *аунза* (ульчи). Этот факт свидетельствует, что под названием охотничьего шалаша *аунга* подразумевались не сами постройки разных типов, а место для ночёвки, известное в языках тунгусо-маньчжурских этносов как «*ааннэз; ааннгак; аунга* и др.» [21, с. 1—2].

Шалаш конического типа *аунга* соорудился из трёх основных жердей с развилками на одном конце и нескольких вспомогательных, которые

устанавливались конусообразно. Затем все наклонные жерди укреплялись в верхней и нижней частях несколькими горизонтальными жёрдочками. Полученный каркас покрывался травой, ветками, тисками или брезентом. Чтобы покрытие не сдуло ветром, его прижимали тяжёлыми жердями [17, с. 90; 24, с. 37; 9, с. 50; 15, с. 117—118]. Внутренняя планировка охотничьего шалаша ничем не отличалась от зимних жилых сооружений. В центре находился очаг, за ним, напротив двери, — место *малу*, справа и слева от очага и входа — место *бее*; данная терминология характерна для всех тунгусо-маньчжурских этносов [21, с. 78, 525].

Охотничьи шалаши конического типа у большинства народов Приамурья и Приморья имели и название *чоло*, *цоко* (удэ), *чооро* (нани), *чоорами* (нег.), *чоорама зуу* (эвенки) [22, с. 408]. Оно связывается с конструктивными особенностями постройки. Эвенский термин *чоора* означает «треноги остова нижней части конического чума», а эвенкийское название жилища *чоорама зуу* — «чум эвенского типа, имеющий остов из вертикально поставленных подпорок, на которые устанавливаются жерди, образующие конус» [22, с. 408]. Внутренняя планировка *чоора* ничем не отличалась от удэгейского *аунга*.

Т.П. Роон отмечает, что «общее функциональное назначение и название жилищ свидетельствует не только о широком распространении, но и общем центре возникновения. Единая терминология элементов летнего и зимнего жилищ и идентичность их внутренних планировок (аунда и каура) также свидетельствует о давности традиции, длительности развития их в одной этнокультурной среде и о центре возникновения в среде охотников-рыболовов таёжной полосы Сибири и Дальнего Востока» [15, с. 129].

По прибытии на свой участок охоты, отдав должное у священного дерева или в другом месте хозяину территории, охотник приступал к обустройству жилища. Он использовал старое зимовье или строил из ясеневых плах новое в виде усечённой пирамиды или конуса (чума). Так, например, нанайцы, как сообщал И.П. Лопатин, зимовье *унтэха* устраивают «в таком месте, откуда недалеко ходить на охоту. Унтэха сооружается, обыкновенно, трудами нескольких охотников и потому оно и принадлежит им всем. Унтэха строится из срубленных деревьев таким образом, что с виду оно похоже на четырёхскатную крышу. На одном из скатов делается дверь, а вверху, где скаты сходятся, оставляется отверстие для выхода дыма. Всё сооружение уконопачивается мхом, а зимою тщательно заваливается со всех сторон снегом» [10, с. 92].

В отличие от нанайцев зимовье *уутээн* пирамидального типа низовские негидальцы строили не из круглого леса, а из плах (разрубленных пополам брёвен). Сооружали *уутээн* в виде усечённой пирамиды с небольшой прямоугольной рамой вверху, служащей дымовым отверстием. Это зимовье представляет собой однокамерную постройку, прямоугольную в основании. Пирамидальный каркас плотно обставлялся плахами, образующими наклонные стены. Две продольные стены (по 4 м) делались

с большим наклоном, а две поперечные (по 3 м) — с незначительным. Оставалось открытым только дымовое отверстие, вход закрывался шкурой сохатого или оленя. Для сохранения тепла зимовье почти наполовину засыпалось снегом. Очаг располагался в центре. Место для него огораживалось камнями или срубом из плах, внутренность которого заполнялась землёй. За очагом, напротив входа, устраивалась постель для охотника, которая ограничивалась от стенки к стенке бревном. Место под неё также засыпалось землёй и покрывалось слоем травы, еловых или пихтовых веток, вследствие чего оно возвышалось над «полом» на толщину бревна (15—20 см). Под стенами зимовья из жердей сооружались настилы для продовольствия и утвари. Охотничье снаряжение в зимовье не заносили, а хранили в амбарах, в противном случае оно могло пропахнуть дымом и отпугивать зверя [5, с. 94]. Удэгейцы обустраивали своё зимовье так же, как и низовские негидальцы.

У орочей [9, с. 50], удэгейцев [24, с. 37], а также верховских негидальцев, в отличие от их низовских сородичей, *уутээн* имело конусообразную форму. Его диаметр и высота не превышали 3—4 м. На расстоянии 1,5 м от земли к стойкам крепилась перекладина, на которую деревянными крюками подвешивались котлы. По материалам исследователей негидальцев, единичные постройки такого типа в районе Амгуни сохранялись вплоть до середины 1920-х гг. [5, с. 94]. Разные по конструкции жилища у негидальцев, обозначавшиеся одним словом *уутээн*, вероятно, появились в результате контакта верховских жителей с эвенками, а низовских — с нанайцами, орочами и ульчами.

Принцип постройки зимовья (за исключением некоторых деталей) у негидальцев, нанайцев, орочей и удэгейцев был практически идентичным. Удэгейцы называли коническое зимовье *туэ аунга* [23, с. 148], орочи — *вэнтэха* [9, с. 50], нанайцы — *вэнтэхэн аонга* [17, с. 90—92], ульчи — *кхалангали* [19, с. 76]. Слово *вэнтэхэн* происходит от маньчжурского *ундэхэн*, что в переводе означает «доска, тёс» [22, с. 273] или «плаха». Идентичность терминов в названиях зимовья у орочей, нанайцев, негидальцев и удэгейцев не подразумевает одинаковой конструкции построек. Если у орочей и удэгейцев они в основании имели круг, то у нанайцев и верховских негидальцев — прямоугольник.

Внутреннее обустройство зимовья у всех этносов региона, за исключением отдельных деталей, было почти одинаковым. Например, у нанайцев «внутри жилища устраивались места для охотников *сэгди*. Для этого разравнивали землю, предварительно очистив от дёрна, и настилали слой еловых или пихтовых веток. На них спали охотники. Каждый из них имел спальный мешок. Задняя часть аонга называлась *аонга малони*, места по углам — *аонга торани*, углы у двери — *давуй торани*, напротив её — *довуй торани*. Внутри аонга к потолку подвешивались жёрдочки нюэрэпун, и на них поперёк зимовья укладывались несколько тонких жердей *хэту*, к которым прикрепляли различного рода крючки. На них привешивали котелки над костром или несколько в стороне от него. Наверху аонга

Рис. 6. Срубное зимовье *вэнтэхэн аонга*

имеется *чонко* — „отверстие для выхода дыма“. Место для очага огораживалось шестами, огонь в очаге поддерживался круглые сутки» [17, с. 92].

Охотники и рыбаки эвенков и верховских негидальцев в тёплое время года пользовались небольшим корьевым жилищем *огдан* [22, с. 244], или *угдан* [1, с. 113]. Это был шалаш с вертикальными стенками и двускатной крышей, сооружённый из жердей и коры *огдакса*. Такое промысловое жилище также было у ульчей, орочей, удэгейцев и ороков [1, с. 113].

У орочей шалаш данного типа назывался *кава* [6, с. 53], у удэгейцев — *малума кава* или *зуа кава* («летнее жилище») [24, с. 27], у ульчей — *даура*

Рис. 7. Летнее промысловое жилище *зуа кава*

[19, с. 68], а у ороков — *каура* [15, с. 128]. В таком домике охотник ночью спасался от гнуса и дождей, а во время рыбалки в нём жила семья рыбака. Постройка не отапливалась, пища готовилась на костре рядом с ней.

Кроме постоянного зимовья типа *вэнтэхэн*, *уутээн*, нанайцы, ульчи, ороки-уилта, удэгейцы, орочи и верховские негидальцы строили и срубные зимники, обозначаемые термином *којма зуу*, где *којма*, *коима*, *куа-има*, *корима* означает «сруб» [21, с. 415], а *зуу* или *зоо* — у всех тунгусо-маньчжурских народов — «жилище» или «дом» [21, с. 266—267].

В начале XX столетия охотники и рыбаки аборигенов Дальнего Востока пользовались двускатными палатками *маига* (удэ), *маика* (орочи), *майкан* (нанайцы), а также палатками *палачика* (орочи), *зампан* (эвенки, негидальцы) с вертикальными стенками и двускатной крышей.

Шилась палатка из грубой ткани, чаще из брезента. Ставилась на остов из двух вертикальных стоек с развилинами наверху, перекрытых продольной жердью. В тёплое время палатку закрепляли при помощи ремешков, пришитых к нижним углам. Внутри неё обязательно растягивали накомарник *зампан*, сшитый из лёгкой ткани, который предохранял рыбаков или охотников от комаров и мошки. В зимнее время палатку часто ставили на сруб в 2—3 венца, а внутри него на несколько сантиметров вглубь выбиралась земля. Пол устилали толстым слоем веток пихты [4, с. 357]. Посередине устанавливалась печка *кани* с длинной железной трубой. Часто в палатки вшивали окна из тонкого светлого материала, преимущественно из особого сукна или мочевого пузыря животных. Металлические печки были заимствованы у золотопромышленников, но существенно усовершенствованы [18, с. 187].

Снаряжение охотника всегда хранилось на специальных настилах или в небольших амбарах, расположенных рядом с зимовьем или в укромных местах вдали от чужих людей. Свайные амбары с вертикальными стенками и двускатной крышей, предназначенные для хранения пищи, промышленного снаряжения и разной утвари, имелись у всех тунгусо-маньчжурских этносов Дальнего Востока и Сибири.

Такие сооружения назывались *дзали* (орочи, удэ), *далу* (орочи), *дэлкэн* (негидальцы, ороки, эвенки), *такту* (нанайцы, негидальцы, ороки, маньчжуры, ульчи) [21, с. 246; 22, с. 154, 233]. С фронтальной стороны в них делалась небольшая дверка.

Были свайные амбары и с полуцилиндрической крышей. Б.А. Васильев, описывая их, особо отмечал: «Свайные амбары ороков интересны своим сводчатым покрытием и отсутствием дверей. Идентичные амбары имеются у удэ. Орокский амбар состоит из настила жердей, приподнятого над землёй на четырёх сваях. На этом помосте возвышается бревенчатая постройка, в виде цилиндра, разрезанного в длину и положенного своими краями на помост. Стены образуют, таким образом, правильный свод» [2, с. 7].

Орокский амбар *далу* и удэгейский *дзали* по своему внешнему виду, способу постройки и использованию были идентичными. Они сооружались на помосте из жердей, установленном на четырёх сваях, высотой

до 2,5 м. На нём из толстых жердей или тонких брёвен возводился полуцилиндрический каркас, являющийся одновременно и крышей, и стенами. «Для этого клали последовательно пару продольных и поперечных жердей. Продольные жерди по мере возвышения клали всё ближе друг к другу, образуя таким способом свод. Так как жерди по углам не срубались, или срубались не достаточно, между ними оставлялись широкие просветы. Образуемый остов покрывали поперечными пластами коры. Вход в амбарчик делали в виде щелевого люка в помосте снизу. Лестницей служило бревно с зарубками» [8, с. 71—73].

Амбары сводчатого типа имелись также у нанайцев и негидальцев. Однако у нанайского *сэпи тактони* и негидальского *н'унэйэ такту* свод сооружался не из тонких брёвен, а из согнутых в дугу веток, покрытых сеном или древесной корой. Б.А. Васильев по этому поводу писал, что, несмотря на внешнюю схожесть орокско-удэгейских и нанайско-негидальских построек, «...едва ли можно генетически связывать конструкцию из гнутых прутьев со сводчатым покрытием из брёвен в виде сруба» [2, с. 7]. С этим выводом мы полностью солидарны и считаем, что идентичность конструкции сводчатого амбара из брёвен обусловлена не культурными контактами ороков и удэгейцев, а вхождением какой-то группы удэгейцев в состав ороков Сахалина и последующим возвращением первых на материк.

Хорские удэгейцы рассказывали, что когда-то в таком амбаре не только хранили вещи, но и жили. В фольклоре эвенков тоже упоминается об амбаре, который использовался для жилья. «В древности они служили жильём, — сообщает Г.М. Василевич, — которое пеший охотник устраивал для семьи на то время, пока он ходил за зверем. Такое жилище защищало

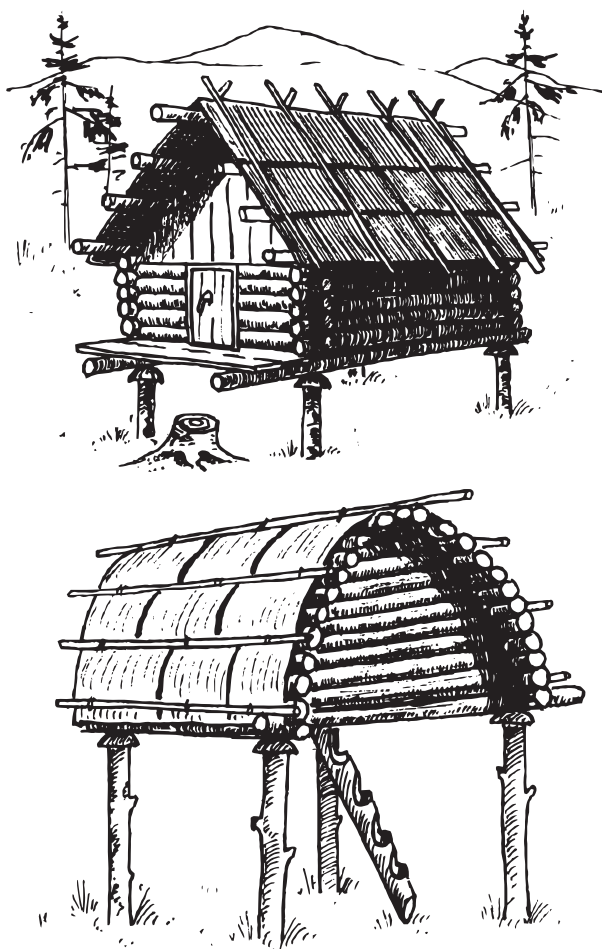

Рис. 8. Амбар дзали (*такто*)

семью от хищников и врагов. На него поднимались по бревну с зарубками, которое на ночь втягивали за собой наверх» [1, с. 116].

Старики-нанайцы подобное сооружение называют *сэли тактони* или *хусэ най тактони*, что в переводе — «мужской амбар». «В прошлом этот вид амбара использовался мужчинами для сборов, мужских заседаний. По преданиям, в нём хранилось вооружение рода, но с распадом родовой организации отпала необходимость сооружать такие амбары» [17, с. 75]. В XIX — первой половине XX в. для хранения промыслового снаряжения охотники использовали обычные свайные двускатные амбары с вертикальной крышей.

В конце XIX в. все аборигенные охотники уже имели огнестрельное оружие. С его появлением и распространением стали вырабатываться новые приёмы охоты. Если раньше можно было добыть изюбра или лося только во время большого снега, весеннего наста или при переправе через речку, то с ружьём это стало возможно в любое время года. В отличие от многих охотников южной части Дальнего Востока, удэгейцы летом добывали изюбра на солонцах, рядом с которыми ставился скрад *досюгу*, где прятался охотник [23, с. 73]. Данное сооружение представляло собой маленькую площадку на высоком дереве (лабаз). На ней маскировались и ожидали зверя. Способ охоты со скрада аборигены позаимствовали у русских казаков [13, с. 34], в наши дни он широко распространён среди всех охотников тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья и Приморья. Такой скрад эвены называли *биркэн*, негидальцы — *дэлкэн*, а тазы Ольгинского района — *яуза* [5, с. 97; 7, с. 63].

Рис. 9. Скрад охотника

В современные дни в местах охотничьего промысла тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья и Приморья строятся стандартные типовые избушки из брёвен, которые эксплуатируются зимой в течение нескольких месяцев. Их жилая площадь составляет 12—15 или 18—20 кв. м. Внешне они несколько напоминают летние срубные дома *којма зуу*, характерные для нанайцев, негидальцев, удэгейцев и других этносов региона. Справа от входа устанавливается металлическая печь (*камин*), слева и справа устраиваются нары (*кана*), в центре у стены ставится стол. Днём свет проникает через одно или два маленьких окна, а ночью жилище

освещает керосиновая лампа. В большинстве случаев избышки строятся на расстоянии 10 км друг от друга. На каждом участке их по две-три. Поэтому охотник ночует в том зимовье, около которого он заканчивает свою дневную охоту.

«Рядом с охотничьими избышками устраивался из 2—4 жердей настил *тэпкен*, застланный сверху хвоей. На этот настил складывались дорожные сумы с имуществом и запасами продуктов, орудия лова, снасти и т.п., а сверху всё сложенное прикрывалось от дождя и снега полотнищем *улаптин* из ткани, берестяных покрышек или шкурами животных» [5, с. 96].

Когда охотники уходят из зимовья на длительный срок, дверь в него остаётся открытой, чтобы не заводилась плесень [24, с. 39].

Кроме таких домиков на участках аборигенных охотников ещё при советской власти предусматривалось строительство промысловых баз, состоящих из складов, сараев, капитальных жилых домов для obsługi и посадочных площадок для вертолётов. База устраивалась как бы в центре охотничьих угодий. Охотники свозили туда продукцию своего промысла, главным образом туши крупных животных, и при удобном случае отправляли её воздушным или санным транспортом в расположение главной усадьбы охотничьего хозяйства [24, с. 39].

В постсоветский период промысловые базы прекратили своё существование, а охотничий промысел аборигенов региона, по сравнению с охотопромысловой деятельностью советского периода, претерпел значительные изменения, причём далеко не в лучшую сторону.

Кратко рассмотрев промысловые жилища коренных этносов Приамурья и Приморья, нетрудно заметить, что они отличались простотой

Рис. 10. Современное зимовье охотника

сооружения, многие соответствовали полукочевому быту аборигенов. Тип сооружений и формы построек обуславливались характером хозяйственной деятельности и уровнем развития всего промыслового населения региона, а также его слабыми культурными и экономическими связями с народами других территорий.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 304 с.
2. Васильев Б.А. Основные черты этнографии ороков. Предварительный очерк по материалам экспедиции 1928 г. // Этнография. 1929. № 1. С. 3—22.
3. Гирфанова А.Х. Словарь удэгейского языка. СПб.: Наука, 2001. 478 с.
4. Историко-этнографический атлас Сибири / под. ред. М.Г. Левина и Л.П. Потапова. М.; Л., 1961. 498 с.
5. История и культура негидальцев. Историко-этнографические очерки / отв. ред. А.Ф. Старцев. Владивосток: Дальнаука, 2013. 350 с.
6. История и культура орочей. Историко-этнографические очерки / отв. ред. В.А. Тураев. СПб.: Наука, 2001. 176 с.
7. История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки / отв. ред. В.А. Тураев. СПб.: Наука, 1997. 181 с.
8. Ларькин В.Г. Материальная культура удэгейцев до установления советской власти // Труды Дальневосточного филиала Сибирского отделения Академии наук СССР им. В.Л. Комарова. Серия историческая. Благовещенск, 1963. Т. 5. С. 66—83.
9. Ларькин В.Г. Орочи (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). М.: Наука, 1964. 176 с.
10. Лопатин И.А. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Опыт этнографического исследования. Владивосток: Зап. ОИАК, 1922. Т. XVII. 370 с.
11. Мазин А.И., Мазин И.А. Материальная культура и хозяйство амурских эвенков. Благовещенск: БГПУ, 2003. 177 с.
12. Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., 1878. Т. 2. 756 с.
13. Пель-Горский Г. Иностранческое население по притокам Усури — Бикину, Иману и Ваку // Труды Приамурского отдела РГО за 1895 г. Отд. 4. Хабаровск, 1896. С. 21—40.
14. Путешествие на Амур, совершённое по распоряжению Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества в 1855 году Р. Мааком. СПб., 1859. 275 с.
15. Роон Т.П. Уйльта Сахалина. Историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII — середины XX веков. Южно-Сахалинск: Сах. обл. кн. изд-во, 1996. 176 с.
16. Сем Л.И. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект. Л.: Наука, 1976. 212 с.
17. Сем Ю.А. Нанайцы: материальная культура (вторая половина XIX — середина XX в.). Этнографические очерки. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1973. 314 с.
18. Смоляк А.В. Проблемы этногенеза тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 177—195.

19. Смоляк А.В. Ульчи: хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1966. 290 с.
20. Соколова З.П. Жилище народов Сибири (Опыт типологии). М.: ИПА «три Л», 1998. 285 с.
21. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В.И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.
22. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В.И. Цинциус. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.
23. Старцев А.Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX—XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 444 с.
24. Старцев А.Ф. Материальная культура удэгейцев (вторая половина XIX—XX в.). Владивосток: ДВО РАН, 1996. 160 с.
25. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899. Т. 2. 374 с.

REFERENCES

1. Vasilevich G.M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII — nachalo XX v.)* [Evenki. Historical and Ethnographic Essays (the Seventeenth Century — the Early Twentieth Century)]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otделение Publ., 1969, 304 p. (In Russ.)
2. Vasil'ev B.A. *Osnovnye cherty etnografii orokov. Predvaritel'nyy ocherk po materialam ekspeditsii 1928 g.* [The Main Features of the Oroch Ethnography. Preliminary Essay on the Materials of the Expedition in 1928]. *Etnografiya*, 1929, no. 1, pp. 3—22. (In Russ.)
3. Girfanova A.Kh. *Slovar' udegeyskogo yazyka* [Udege Dictionary]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2001, 478 p. (In Russ.)
4. *Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri* [Historical and Ethnographic Atlas of Siberia]. Ed. by M.G. Levin, L.P. Potapov. Moscow, Leningrad, 1961, 498 p. (In Russ.)
5. *Istoriya i kul'tura negidal'tsev. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Negidal History and Culture. Historical and Ethnographic Essays]. Executive ed. A.F. Startsev. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2013, 350 p. (In Russ.)
6. *Istoriya i kul'tura orochey. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Orochi History and Culture. Historical and Ethnographic Essays]. Executive ed. V.A. Turaev. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2001, 176 p. (In Russ.)
7. *Istoriya i kul'tura evenov. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Evens History and Culture. Historical and Ethnographic Essays]. Executive ed. V.A. Turaev. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1997, 181 p. (In Russ.)
8. Lar'kin V.G. *Material'naya kul'tura udegeytsev do ustanovleniya sovetской vlasti* [Material Culture of the Udege before the Establishment of Soviet Power]. *Trudy Dal'nevostochnogo filiala Sibirskogo otделения Akademii nauk SSSR im. V.L. Komarova. Seriya istoricheskaya* [Proceedings of the Far Eastern Filial Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences named after V.L. Komarov. Historical Series]. Blagoveshchensk, 1963, vol. 5, pp. 66—83. (In Russ.)
9. Lar'kin V.G. *Orochi (istoriko-etnograficheskiy ocherk s serediny XIX v. do nashikh dney)* [Orochi (Historical and Ethnographic Essay from the Middle of the Nineteenth Century until the Present Day)]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 176 p. (In Russ.)
10. Lopatin I.A. *Gol'dy Amurskie, Ussuriyskie i Sungariyskie. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [The Amur, Ussuri and Sungari Goldi. Ethnographic Research Experience]. Vladivostok, Zap. OIAK Publ., 1922, vol. XVII, 370 p. (In Russ.)

11. Mazin A.I., Mazin I.A. *Material'naya kul'tura i khozyaystvo amurskikh evenkov* [Material Culture and the Economy of the Amur Evenki]. Blagoveshchensk, BGPU Publ., 2003, 177 p. (In Russ.)
12. Middendorf A.F. *Puteshestvie na Sever i Vostok Sibiri* [Travel to the North and East of Siberia]. Saint Petersburg, 1878, vol. 2, 756 p. (In Russ.)
13. Pel'-Gorskiy G. Inorodcheskoe naselenie po pritokam Ussuri — Bikin, Imanu i Vaku [Non-Native Population along the Ussuri River Tributaries: Bikin, Iman and Vak]. *Trudy Priamurskogo otdela RGO za 1895 g. Otd. 4.* [Proceedings of the Amur Department of the Russian Geographical Society in 1895. Dep. 4]. Khabarovsk, 1896, pp. 21—40. (In Russ.)
14. *Puteshestvie na Amur, sovershennoe po rasporyazheniyu Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva v 1855 godu R. Maakom* [Journey to the Amur, committed by order of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in 1855 by R. Maak]. Saint Petersburg, 1859, 275 p. (In Russ.)
15. Roon T.P. *Uyl'ta Sakhalina. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie traditsionnogo khozyaystva i material'noy kul'tury XVIII — serediny XX vekov* [The Uilta of Sakhalin. Historical and Ethnographic Study of the Traditional Economy and Material Culture from the Eighteenth Century until the Middle of the Twentieth Century]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sah. obl. kn. izd-vo Publ., 1996, 176 p. (In Russ.)
16. Sem L.I. *Ocherki dialektov nanayskogo yazyka. Bikinskiy (ussuriyskiy) dialekt* [Essays on the Nanai Dialects. Bikin (Ussuri) Dialect]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, 212 p. (In Russ.)
17. Sem Yu.A. *Nanaytsy: material'naya kul'tura (vtoraya polovina XIX — seredina XX v.). Etnograficheskie ocherki* [Nanai: Material Culture (the Second Half of the Nineteenth Century — the Middle of the Twentieth Century). Ethnographic Essays]. Vladivostok, DVNC AN SSSR Publ., 1973, 314 p. (In Russ.)
18. Smolyak A.V. Problemy etnogeneza tungusoyazychnykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina [Problems of the Ethnogenesis of the Tungus-Speaking Peoples of the Lower Amur and Sakhalin]. *Etnogenez narodov Severa* [Ethnogenesis of the Peoples of the North]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 177—195. (In Russ.)
19. Smolyak A.V. *Ul'chi: khozyaystvo, kul'tura i byt v proshlom i nastoyashchem* [Ulchi: Economy, Culture and Life in the Past and Present]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 290 p. (In Russ.)
20. Sokolova Z.P. *Zhilishche narodov Sibiri (Opyt tipologii)* [Dwellings of the Peoples of Siberia (Experience of Typology)]. Moscow, IPA "tri L" Publ., 1998, 285 p. (In Russ.)
21. *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomu slovaryu* [Comparative Dictionary of the Manchu-Tungus Languages. Materials for the Etymological Dictionary]. Executive ed. V.I. Tsintsius. Leningrad, Nauka Publ., 1975, vol. 1, 672 p. (In Russ.)
22. *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomu slovaryu* [Comparative Dictionary of the Manchu-Tungus Languages. Materials for the Etymological Dictionary]. Executive ed. V.I. Tsintsius. Leningrad, Nauka Publ., 1977, vol. 2, 992 p. (In Russ.)
23. Startsev A.F. *Kul'tura i byt udegeytssev (vtoraya polovina XIX—XX v.)* [Culture and Life of the Udege (the Second Half of the Nineteenth Century — the Twentieth Century)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2005, 444 p. (In Russ.)
24. Startsev A.F. *Material'naya kul'tura udegeytssev (vtoraya polovina XIX—XX v.)* [Material Culture of the Udege (the Second Half of the Nineteenth Century — the Twentieth Century)]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 1996, 160 p. (In Russ.)
25. Shrenk L.I. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraya* [Indigenous Dwellers of the Amur Region]. Saint Petersburg, 1899, vol. 2, 374 p. (In Russ.)